

RU

**«О чем же говорить теперь, если не о письмах Гоголя?»:
Ю. Ф. Самарин о «Выбранных местах из переписки с друзьями»**

Гаврильченко О. В.

Аннотация. Цель исследования – выяснить суждения Ю. Ф. Самарина о книге Н. В. Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями». Научная новизна работы определяется обращением к малоизвестным архивным материалам. В статье рассматриваются два автографа Ю. Ф. Самарина, создание которых непосредственно связано с выходом гоголевского сочинения, и его письмо К. С. Аксакову, предположительно отправленное в феврале 1847 г. На основе сопоставительного анализа трех текстов выделяются суждения, показывающие, что именно философ-славянофил, публицист, адресат писателя не смог принять в «Выбранных местах...». В частности, отмечается, что для Ю. Ф. Самарина очень важной оказывается мысль об отсутствии искреннего чувства в произведении и об ошибочном понимании Н. В. Гоголем собственного «назначения»: художник выступает в роли «благотворителя и наставника». В результате наблюдений над жанровой природой рукописных набросков было установлено, что они создавались как частные письма, хотя, возможно, впоследствии и должны были быть переработаны в статью. Сравнение прозвучавших в них оценок книги с содержанием письма к К. С. Аксакову позволило предположить, что все три текста были созданы почти в одно и то же время – вскоре после выхода «Выбранных мест...».

EN

**“What Can We Talk about Now, If Not about Gogol’s Letters?”:
Yu. F. Samarin on “Selected Passages from Correspondence with Friends”**

Gavrilchenko O. V.

Abstract. The study aims to find out Yu. F. Samarin’s judgments on N. V. Gogol’s book “Selected Passages from Correspondence with Friends”. Scientific originality of the study is determined by the use of little-known archival materials. The paper discusses two Samarin’s autographs, the creation of which is directly related to the publication of Gogol’s work, and his letter to K. S. Aksakov presumably sent in February 1847. On the basis of a comparative analysis of the three texts, the researcher identifies judgments showing what the Slavophile philosopher, publicist and the writer’s addressee could not accept in “Selected Passages...”. In particular, it is noted that the idea of the lack of sincere feeling in the work is very important for Yu. F. Samarin, as well as the idea of Gogol’s erroneous understanding of his own “purpose”: the artist acts as a “benefactor and mentor”. As a result of observations on the genre nature of the manuscript drafts, it has been found that they were created as private letters, although, perhaps they were later meant to have been reworked into an article. By comparing the assessments of the book made in the manuscript drafts with the content of the letter to K. S. Aksakov the researcher has been able to make an assumption that all the three texts were created almost at the same time, i.e. shortly after the publication of “Selected Passages...”.

Введение

Еще в 1970 г. М. Т. Ефимова (1970) отмечала, что «своеобразная позиция» Ю. Ф. Самарина – общественного деятеля, публициста, одного из видных представителей славянофильства, близкого к Лермонтову и состоявшего в переписке с Н. В. Гоголем, – в литературной борьбе 1840-х гг. «почти не выяснена» (с. 135). Наверное, можно сказать, что и сейчас далеко не все его суждения о гоголевском творчестве хорошо известны. Между тем его высказывания, пишет М. Т. Ефимова, «представляют для нас несомненную ценность, так как на основе их можно глубже понять и Гоголя, и сложную литературную борьбу вокруг его творчества» (с. 136). Необходимостью хотя бы частично восполнить этот пробел и определяется актуальность предлагаемой работы.

Для достижения заявленной цели необходимо решить ряд задач: проанализировать хранящиеся в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки (далее – ОР РГБ) рукописные наброски Ю. Ф. Самарина

о «Выбранных местах из переписки с друзьями»; сопоставить высказанные в них оценки с содержанием его письма К. С. Аксакову, отправленного в феврале 1847 г.; установить временную соотнесенность указанных текстов.

Печатных отзывов о книге Гоголя Ю. Ф. Самарин не оставил, однако суждения о ней – прямые и косвенные – мы можем найти в его письмах, адресованных разным лицам, и в двух автографах из фонда Самариных в ОР РГБ (описание фонда см. в работе (Мещеряков, Лейтнекер, 1938, с. 42–48)). Эти опубликованные (Сочинения Ю. Ф. Самарина: в 12-ти т. М.: Товарищество типографии А. И. Мамонтова, 1911. Т. 12. Письма 1840–1853) и рукописные источники (ОР РГБ, ф. 265, к. 73, ед. хр. 5, 8) и стали материалом нашего исследования. Для удобства чтения цитировать черновой набросок мы будем по верхнему слою, не указывая вычеркнутых и недописанных слов и фраз.

В работе используются элементы описательного, биографического, сравнительно-сопоставительного и историко-функционального методов.

Теоретическую базу статьи составили труды, посвященные разным аспектам осмысления книги «Выбранные места...» и изучению ее восприятия современниками и последующей критикой (Барабаш, 1993; Марголис, 1998; Балдина, 2005; Манн, 2013; Падерина, 2022), а также исследования, в которых рассматриваются отношения Н. В. Гоголя с его современниками, непосредственные контакты между теми из них, кто входил в круг общения писателя (Анненкова, 2012; 2020; Кошелев, 2019).

Практическая значимость работы видится в возможности включения самаринских суждений в общий контекст восприятия «Выбранных мест...» современниками Н. В. Гоголя и соотнесения их с оценкой книги в кругу славянофилов. Представленные материалы могут использоваться в процессе преподавания истории русской литературы и русской критики XIX в., спецкурсов и спецсеминаров, посвященных гоголевскому творчеству и историко-литературному процессу XIX столетия, при подготовке учебников и учебных пособий соответствующей тематики.

Основная часть

Одно из первых упоминаний об отношении Ю. Ф. Самарина к «Выбранным местам...» встречаем в письме И. С. Аксакова к родным от 1 февраля 1847 г. из Калуги. Описывая калужские новости, он говорит о письме, которое ему прочла А. О. Смирнова, где «осторожный» Самарин, «не имея еще сведений, какого мнения о книге Гоголя Ал<ександра> Осип<овна>, пишет о книге чрезвычайно легко и загадочно, не произнося никакого решительного приговора, однако же видно, что он ею очень недоволен» (Аксаков И. С. Письма к родным. 1844–1849 / изд. подгот. Т. Ф. Пирожкова. М.: Наука, 1988. С. 350).

Очевидно, что речь идет о недавнем письме. Однако среди подлинных писем Ю. Ф. Самарина к А. О. Смирновой, хранящихся в ОР РГБ, мы нашли только одно написанное после выхода «Выбранных мест...» и до февраля 1847 г. – от 22 января, в котором он со ссылкой на Ф. В. Чижова сообщает лишь, что сейчас Гоголь «в Неаполе, но к карнавалу прибудет в Рим» (ОР РГБ, ф. 265, к. 155, ед. хр. 5; Сочинения Ю. Ф. Самарина, 1911, с. 363). Предыдущее письмо Самарина к Александре Осиповне датируется 22 ноября 1846 г. Едва ли его имеет в виду Иван Аксаков: к этому времени гоголевская книга еще не вышла из печати. Но оно заслуживает внимания по другой причине: здесь звучит, возможно, первая оценка Самариним еще не изданных «Выбранных мест...». В нем, в основном написанном по-французски, помимо прочего, говорится о чтении «нескольких писем», предисловия ко второму изданию «Мертвых душ» и «Развязки “Ревизора”». В примечаниях к 12-му тому сочинений Самарина, подготовленному его братьями Д. Ф. и П. Ф. Самариными и выпущенному последним, указано, что под «несколькими письмами» понимается часть «Выбранных мест...» и что Юрий Федорович «мог познакомиться со всеми этими произведениями у Аксаковых, которые живо принимали к сердцу все, что касалось Гоголя, и следили “с ужасом” за всеми этими проявлениями “нового” направления Гоголя» (Сочинения Ю. Ф. Самарина, 1911, с. 361). По заключительной части письма, представляющей собой уже текст на русском языке, понятно, что восприятие Самариним этого «“нового” направления» писателя близко к аксаковскому: «Мне это ужасно грустно; хотелось бы покоить взор на Гоголе как на человеке, который никогда не сбивался и не может сбиться с пути, а между тем уклонение очевидно. Я вам напишу обо всем этом подробнее из Риги, а теперь пока остается уповать на Бога, который не допустит заблудиться ищущего Его» (Сочинения Ю. Ф. Самарина, 1911, с. 362). Подробного письма из Риги об «уклонении» Гоголя в фонде Самариных ОР РГБ нет. Возможно, оно так и не было написано или отправлено. Отсылку же именно к этим самаринским впечатлениям можно найти в еще одном письме Ивана Аксакова к родным – от 7 декабря 1846 г., в котором он сообщает, что Александра Осиповна «получила письмо от Самарина с подробным описанием всех Гоголевых действий, но ничем нисколько не смутилась и не огорчилась, а говорит только, что он исписался» (Сочинения Ю. Ф. Самарина, 1911, с. 339).

Итак, по-видимому, Иван Аксаков слышал другое, пока не найденное письмо Ю. Ф. Самарина, отправленное уже по выходе книги или, по крайней мере, между названными датами – 22 ноября 1846 г. и 22 января 1847 г.

Наиболее известный источник сведений о восприятии последнего «Выбранных мест...» – его письмо К. С. Аксакову, которое в 12-м томе собрания сочинений Самарина датируется февралем 1847 г. (Сочинения Ю. Ф. Самарина, 1911, с. 186). Оригинал, хранящийся в ОР РГБ (ф. 265, к. 140, ед. хр. 2, л. 139 – 142 об.), не имеет даты. Часть этого письма, начинающаяся словами: «Говорить ли о книге Гоголя?», – посвящена именно ей.

Менее известны два автографа из фонда Самариных в ОР РГБ. Один из них – черновик письма к Н. В. Гоголю или набросок статьи о «Выбранных местах...» (ОР РГБ, ф. 265, к. 73, ед. хр. 8). Можно утверждать, что это именно черновой текст: в нем много исправлений, недописанных слов, почерк не всегда аккуратен и разборчив – явно не рассчитан на другого читателя.

Вероятно, его имеет в виду Ю. Ф. Самарин в письме к Константину Аксакову: «Прочтя ее (книгу Гоголя. – О. Г.), я написал было длинное письмо, которого не послал...» (Сочинения Ю. Ф. Самарина, 1911, с. 189).

Почему мы говорим «черновик письма к Гоголю или набросок статьи»? С одной стороны, очевидно, что адресатом Ю. Ф. Самарина является Н. В. Гоголь: «Я получил от Плетнева Вашу книгу и прочел ее несколько раз, как Вы велели» (ОР РГБ, ф. 265, к. 73, ед. хр. 8, л. 2). И далее в тексте автографа таких обращений непосредственно к автору «Выбранных мест...» очень много, причем едва ли предполагалось, что ряд оценочных суждений, адресованных непосредственно Гоголю, станет известен широкой читательской аудитории. Например, описывая впечатление, произведенное книгой, и объясняя цель письма, Самарин замечает: «Это впечатление так неприятно и тяжело, что оно становится преградой между Вами и мною, и мне было бы совестно скрывать его от Вас» (л. 2); «С первых же слов Вашей книги меня как бы оттолкнуло от Вас. <...> мне казалось, что Вы подделываетесь под голос другого» (л. 2). С другой стороны, этот черновой текст вместе со второй его частью вложен в обложку с надписью «6. О Книге Гоголя / переписка с друзьями» (л. 1). Возможно, позднее Самарин намеревался написать статью о «Выбранных местах...», взяв его за основу, но этот замысел, если он имел место, остался неосуществленным.

Второй набросок (ОР РГБ, ф. 265, к. 73, ед. хр. 5) условно назван «О чем же говорить теперь, если не о письмах Гоголя?» – по первой фразе. Он не похож на черновую рукопись: написан разборчиво, почти без исправлений, не содержит недописанных слов. Автограф не датирован, но некоторые указания в тексте позволяют предположить время его написания:

- в нем говорится об уже изданном сочинении: Ю. Ф. Самарин упоминает П. А. Плетнева, который прислал ему по просьбе Н. В. Гоголя «Выбранные места...», а книга, как известно, вышла 31 декабря 1846 г.;
- текст содержит многочисленные переключки с письмом к Константину Аксакову, написание которого в 12-м томе сочинений Самарина обоснованно отнесено к февралю 1847 г.;
- наконец, обращает на себя внимание фраза в рукописи: «...ведь вот уж скоро целая неделя, с тех пор как уехал Яшка, я ни с кем не говорил» (ОР РГБ, ф. 265, к. 73, ед. хр. 5, л. 1). Речь идет о Якове Владимировиче Ханыкове, под началом которого Самарин служил в Риге; 5 февраля 1847 г. Ханыков, действительный член Русского географического общества, участвовал в его заседании в Петербурге (Матвиевская, 2006, с. 139). Вероятно, именно этот отъезд и имеет в виду Самарин.

Иными словами, набросок «О чем же говорить теперь, если не о письмах Гоголя?» мог быть написан в конце января – начале февраля 1847 г.

Что же представляет собой этот автограф? Начало текста явно ориентировано на адресата, притом хорошо знакомого Ю. Ф. Самарину: «Дайте мне отвести душу; ведь вот уж скоро целая неделя, с тех пор как уехал Яшка, я ни с кем не говорил. Вы знаете, что для меня Гоголь и каковы мои отношения к нему» (ОР РГБ, ф. 265, к. 73, ед. хр. 5, л. 1). Следующее предложение: «Он поручил Плетневу прислать мне экземпляр своих писем и велел мне, помолвившись, прочесть их три раза сряду», – тоже содержит сведения, вряд ли адресованные широкому кругу читателей. Отсылки к адресату изредка встречаются и далее: «Выслушайте ж меня до конца» (л. 1), «...посмотрите, как он вдруг от всех отделился, как он всем стал чужд» (л. 2 об.), «...прочтите письма под заглавием» (л. 2 об.).

Едва ли этот адресат – К. С. Аксаков, несмотря на уже упомянутые нами многочисленные переключки между этим текстом и письмом к последнему: к своему близкому другу Ю. Ф. Самарин обращается на «ты»; кроме того, в письме к Аксакову он более лаконичен и, как представляется, более категоричен.

Приведем лишь один пример, сравнив содержательно и текстуально сходные фрагменты двух текстов. В автографе читаем: «Все это я исполнил, но что ж мне делать – слова его не ложатся мне в душу, многому я не могу сочувствовать, многое меня оскорбляет и вызывает к противоречию. Не то впечатление я испытывал при чтении других его произведений, тех, о которых он отзывался теперь с таким неестественным пренебрежением. С первой строки я отдавался ему вполне, всею душою; я не могу выразить ясно этой особенной радости, которую производит полное согласие, верный и свободный отзыв на каждое слово, торжество души, встретившей в другом оправдание своих предчувствий. Вот что я испытывал прежде; и тогда мне вовсе не хотелось говорить о том, что я прочел; я бы ничего не нашелся сказать. Теперь не то. <...> Я просто не могу себе представить того душевного расположения, в котором все это могло бы вылиться искренно; это публичное покаяние в предисловии, покаяние в чем же? В том, что многие из читателей понимали его криво, – все это кажется мне не почувствовано, не из души льется, а как будто выполняется по какой-то обязанности» (ОР РГБ, ф. 265, к. 73, ед. хр. 5, л. 1 – 1 об.). В письме к Аксакову то же самое выражено гораздо менее пространно: «Слова его не ложатся в душу. Это публичное покаяние, это завещание и пр. – все это не из души льется, а выполняется по какой-то обязанности» (Сочинения Ю. Ф. Самарина, 1911, с. 189–190).

Конечно, эту краткость, отточенность, даже некоторую рубленость фраз (здесь уже нет никаких средств выражения субъективной модальности: «кажется мне», «как будто» и др.) можно объяснить и тем, что ко времени создания письма К. С. Аксакову взгляд Ю. Ф. Самарина на гоголевскую книгу окончательно оформился. К тому же он, по-видимому, был знаком с мнением своего адресата о «Выбранных местах...», причем сходным с его собственным: упоминая о «длинном письме», которого он так и не послал Гоголю, Самарин замечает, что «говорил» в нем «почти слово в слово» то же, что и К. С. Аксаков (Сочинения Ю. Ф. Самарина, 1911, с. 189).

Однако, возможно, письмо было адресовано А. О. Смирновой. Вспомним: ей Ю. Ф. Самарин обещал написать «обо всем» подробнее из Риги. Отсюда – совершенно иная тональность: как будто та самая осторожность, отмеченная И. С. Аксаковым, стремление не просто выразить свою позицию, но и поделиться впечатлением,

объяснить каждое положение – и адресату, и себе. Сделать такое предположение позволяет использованная в письме уменьшительная форма имени Я. В. Ханькова – Яшка. Именно так Самарин называет его в других письмах к Александре Осиповне (и, судя по всему, только к ней). Но это предположение, безусловно, требует проверки и дополнительных разысканий.

Автограф был введен в научный оборот: впервые он цитируется в статье М. Т. Ефимовой (1970, с. 135-147), а в 2013 г. его опубликовала С. И. Скороходова (2013, с. 357-359) в своей книге. Между тем, помещенный среди примечаний, не прокомментированный, текст остается малодоступным для исследователей. Кроме того, он содержит купюры и неточности.

Итак, что же в гоголевской книге, по выражению Ю. Ф. Самарина, «вызывает к противоречию» (ОР РГБ, ф. 265, к. 73, ед. хр. 5, л. 1)? Не останавливаясь подробно на каждом из названных текстов (два автографа и февральское письмо К. С. Аксакову), постараемся обобщить высказанные в них суждения.

Первое, на что Ю. Ф. Самарин обращает внимание, – «натяжка», отсутствие «душевной искренности» в «Выбранных местах...». Эта мысль оказывается очень важной для него, в том или другом виде она есть во всех трех текстах:

- «Во-первых, во многих местах я слышу натяжку; натяжкой я называю то, когда под выражением не слышно чувства...» (ОР РГБ, ф. 265, к. 73, ед. хр. 5, л. 1);
- «...я не слышу в ней душевной искренности. Она оскорбляет меня как натяжка, как бессознательная ложь, как фальшивый звук оскорбляет ухо» (ОР РГБ, ф. 265, к. 73, ед. хр. 8, л. 2);
- «...все это не из души льется, а выполняется по какой-то обязанности» (Сочинения Ю. Ф. Самарина, 1911, с. 190).

Речь идет прежде всего о «Предисловии» и «Завещании». В частности, приводя начало третьего пункта «Завещания»: «Завещаю вообще никому не оплакивать меня...», Ю. Ф. Самарин поясняет: «Я просто не могу себе представить того душевного расположения, в котором все это могло бы вылиться искренно» (ОР РГБ, ф. 265, к. 73, ед. хр. 5, л. 1 об.). То же самое касается «Предисловия» с гоголевским «публичным покаянием» в том, что «многие из читателей понимали его криво» (л. 1 об.). Все это кажется Самарину лишенным искреннего чувства и потому вызывающим в читателях не душевный отклик, а лишь «удивление» и «любопытство» (ОР РГБ, ф. 265, к. 73, ед. хр. 8, л. 2 – 2 об.).

«Публичная исповедь», подчеркивает он, – «дело общее, в котором одинаково участвует и кающийся, и толпа» (Сочинения Ю. Ф. Самарина, 1911, с. 190; ср.: ОР РГБ, ф. 265, к. 73, ед. хр. 8, л. 2 об.), покаяние должно «для всех» быть «потребностью» (ОР РГБ, ф. 265, к. 73, ед. хр. 8, л. 2). В гоголевской же исповеди он не слышит этой «потребности сочувствия и отзыва» (л. 2 об.), не видит стремления к «согласному настроению чувства с той и другой стороны» (ОР РГБ, ф. 265, к. 73, ед. хр. 5, л. 1 об.). Самарин воспринимает ее как «дело одинокой гордой личности» (л. 1 об.), которая исполняет «свой личный обет» (Сочинения Ю. Ф. Самарина, 1911, с. 190) и которой публика нужна только «как обстановка» (с. 190). «Когда кающийся знает, что в виде кающегося его не узнают, не поймут, в таком случае выходить к публике и исповедоваться вслух – дерзко, оскорбительно» (с. 190), – пишет он.

В наброске «О чем же говорить теперь, если не о письмах Гоголя?» (ОР РГБ, ф. 265, к. 73, ед. хр. 5) эта мысль получает развитие. «Самое высокое побуждение художника», по мнению Ю. Ф. Самарина, «даже не в желании быть полезным», потому что в этом случае личность писателя «является все-таки в разобщении с людьми»: он выступает как «благотворитель и наставник, действующий на других, для их же блага, но действующий одиноко», а потому «сознание такого отношения не может не сопровождаться чувством гордости» (л. 2). Гораздо важнее, с его точки зрения, «потребность жить с другими одною духовною жизнью, поведать всем красоту святого, дабы могли поклониться ей все, и сам художник, и слушатели все до последнего» (л. 2). Именно такое побуждение, отмечает он, было слышно в прежних произведениях Гоголя, но, по-видимому, теперь, как считает Самарин, его нет.

Причину перемены в «образе мыслей» он связывает с иным пониманием писателем собственного призвания (ОР РГБ, ф. 265, к. 73, ед. хр. 5, л. 2 об.). Сочинение, полагает он, было бы совершенно другим, «если бы ложная мысль о его назначении не присутствовала при зарождении каждой статьи» (Сочинения Ю. Ф. Самарина, 1911, с. 190). Новое видение Гоголем своего призвания и привело его к тому, что он «вдруг от всех отделился», «всем стал чужд» (ОР РГБ, ф. 265, к. 73, ед. хр. 5, л. 2 об.).

По Ю. Ф. Самарину, эта перемена отразилась и в «форме» «Выбранных мест...», которые, как он подчеркивает, представляют собой «не художественное произведение, а наставление» (ОР РГБ, ф. 265, к. 73, ед. хр. 5, л. 2 об.). Если прежде Н. В. Гоголь показывал, то «теперь он советует и объясняет», идя как бы против своей природы. «Но Гоголь все-таки художник; он призван к тому, чтобы проповедовать живыми образами» (л. 2 об.). А потому некоторые его «письма» (в наброске говорится прежде всего о главах «Женщина в свете» и «Русский помещик») вызывают особенное чувство досады: видно, как в воображении автора зарождается «живое лицо», но он сам же отгоняет от себя эти живые образы (л. 2 об.); см. также (Сочинения Ю. Ф. Самарина, 1911, с. 190-191). Все сочинение, заключает Самарин, «вылилось неудачно – оно должно было явиться иным», и причину этой неудачи он видит именно в «ошибочном» понимании писателем собственного назначения (ОР РГБ, ф. 265, к. 73, ед. хр. 5, л. 2 об.).

В письме К. С. Аксакову и в наброске письма Н. В. Гоголю (ОР РГБ, ф. 265, к. 73, ед. хр. 8) упоминается также о «вине» перед М. П. Погодиным. Ю. Ф. Самарин, имея в виду главу IV «О том, что такое слово», недоумевает, каким образом Гоголь, «испрашивая прощения» у тех, кто понял «криво» его сочинения и оскорбился

ими, смог «уничтожить и зачеркнуть одним почерком пера целую жизнь человека как бесплодную и никем не признанную» (л. 3). По замечанию Н. П. Барсукова (1894), писатель в «Выбранных местах...» проявил к Погодину «беспощадную строгость и даже предал его публичному позору» (с. 542). Напомним: в главе IV Гоголь, говоря, в частности, о «неряшестве и неопрятности» Погодина-журналиста, спешившего «делиться всем с своими читателями... не разбирая, созрела ли мысль в его собственной голове таким образом, дабы стать близкой и доступной всем», завершает этот пассаж такими строками: «Тридцать лет работал и хлопотал, как муравей, этот человек, торопясь всю жизнь свою передать поскорей в руки всем все, что ни находил на пользу просвещения и образования русского... И ни один человек не сказал ему спасибо; ни одного признательного юноши я не встретил, который бы сказал, что он обязан ему каким-нибудь новым светом или прекрасным стремлением к добру, которое бы внушило его слово» (Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: в 14-ти т. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1952. Т. 8. С. 231-232). Известно, что Погодин без ведома писателя опубликовал в журнале «Москвитянин» литографию с его портрета, сделанного А. А. Ивановым (Гоголь, 1952, с. 788). Это, как полагают исследователи, послужило причиной «раздражения» Гоголя, выразившегося в главе «О том, что такое слово» (Гоголь, 1952, с. 789). Самарин отвечает на выпад в адрес издателя «Москвитянина»: «Во-первых, это несправедливо. Я первый и многие из моих товарищей очень сознают, чем они обязаны Погодину, и готовы сказать это во всеулышание – но если бы даже это и было справедливо? Ведь Вы поражали его в самое чувствительное место: Вы это знали; неужели Вы думали через это принести ему пользу. Мне пишут, что целое утро он проплакал кровавыми слезами, которые потом превратились в смех. Вы берете на себя ответственность за каждое Ваше слово, и потому мне больно теперь за Вас» (ОР РГБ, ф. 265, к. 73, ед. хр. 8, л. 3). Очевидно, реакция Погодина на прочитанное была широко известна: о том, что литератор сначала «огорчился до слез, до глубины сердца», а затем, продолжив читать книгу, «расхохотался», упоминает и Барсуков (1894, с. 544), ссылаясь на погодинский дневник. Заметим, что упрек, вызванный «жестокостью» писателя по отношению к Погодину, высказывает не только Самарин. В частности, почти то же самое пишет Гоголю и сыну Ивану С. Т. Аксаков (Барсуков, 1894, с. 545).

Заключение

Таков круг самаринских суждений о «Выбранных местах...», в которых отразилось его первое впечатление о книге, однако рассмотренными источниками он не исчерпывается. В той или иной степени оценки гоголевского сочинения можно найти и в других письмах Ю. Ф. Самарина, в частности к А. С. Смирновой от 1 мая 1847 г. и 13 марта 1859 г., к А. Н. Попову от 4 мая 1847 г., к брату Николаю от 16 марта 1852 г.

Нас интересовали прежде всего два его рукописных наброска и письмо к К. С. Аксакову, поскольку именно они представляют собой наиболее ранние отклики на книгу. Имеющиеся в них многочисленные содержательные и текстуальные совпадения позволяют предполагать, что все три текста были созданы примерно в одно и то же время. Первым, судя по характеру правки, был начат черновик письма к Н. В. Гоголю; два других, вероятнее всего, писались почти одновременно, а их обращенность к разным адресатам определила различия в словесном оформлении одной и той же мысли и расстановку акцентов.

Перспективы дальнейшей разработки темы мы видим в расширении контекста суждений Ю. Ф. Самарина о «Выбранных местах...», в соотнесении его оценок с мнениями других современников Н. В. Гоголя, в частности славянофилов, в уточнении жанровой природы рассмотренных рукописных набросков.

Финансирование | Funding

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 20-012-00139 А, проект «Позднее творчество Гоголя (“Выбранные места из переписки с друзьями”, “О сословиях в государстве” и «Авторская исповедь»): проблемы источниковедения, текстологии и комментирования».

The research was funded by the RFBR as a part of project No. 20-012-00139 A “Gogol’s later works («Selected Passages from Correspondence with Friends», «On Estates in the State» and «The Author’s Confession»): issues of source studies, textual studies and commenting”.

Источники | References

1. Анненкова Е. И. Гоголь и русское общество. СПб.: Росток, 2012.
2. Анненкова Е. И. «Цепь убеждений связала нас...»: Юрий Самарин и Константин Аксаков // Русско-Византийский вестник. 2020. № 1 (3).
3. Балдина Е. В. Книга Н. В. Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями» в оценке современников: автореф. дисс. ... к. филол. н. М., 2005.
4. Барабаш Ю. Я. Гоголь. Загадка «прощальной повести» («Выбранные места из переписки с друзьями»). Опыт непредвзятого прочтения). М., 1993.
5. Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина: в 22-х кн. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1894. Кн. 8.

6. Ефимова М. Т. Ю. Самарин о Гоголе // Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена. 1970. Т. 434. Пушкин и его современники.
7. Кошелев В. А. Сто лет семьи Аксаковых. СПб.: Полиграф, 2019.
8. Манн Ю. В. Гоголь: в 3-х кн. М., 2013. Кн. 3. Завершение пути: 1845-1852.
9. Марголис Ю. Д. Книга Н. В. Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями»: основные вехи истории восприятия. СПб., 1998.
10. Матвиевская Г. П. Яков Владимирович Ханьков. 1818-1862. М.: Наука, 2006.
11. Мещеряков Н. Л., Лейтнекер Е. Э. Архив Самариных // Записки Отдела рукописей / под общ. ред. Е. Ф. Розмирович. М., 1938. Вып. I.
12. Падерина Е. Г. «Не шумное по названию» произведение Гоголя: «Выбранные места из переписки с друзьями» // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28. № 2.
13. Скороходова С. И. Философия истории Ю. Ф. Самарина в контексте русской философской мысли XIX – первой четверти XX века. М.: Прометей, 2013.

Информация об авторах | Author information

Гаврильченко Оксана Владимировна¹, к. филол. н.

¹ Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, г. Москва

Gavrilchenko Oksana Vladimirovna¹, PhD

¹ A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow

¹ gavrilchenko-oksana@yandex.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 10.11.2022; опубликовано (published): 30.12.2022.

Ключевые слова (keywords): Ю. Ф. Самарин; Н. В. Гоголь; Аксаковы; книга «Выбранные места из переписки с друзьями»; переписка; Yu. F. Samarin; N. V. Gogol; the Aksakovs; book “Selected Passages from Correspondence with Friends”; correspondence.